

Preserving Historical Memory in the Urban Space of Seoul

D. R. Aliullova¹

¹Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-3-396-403

Research article

Full text in Russian

The loss of Korea's independence in 1910 and its incorporation into the Japanese Empire, followed by its division along the 38th parallel, initiated the formation of a trauma-memory. This trauma is linked to the specific nature of its liberation — a consequence of Japan's surrender in World War II—decolonization, and the intensification of the struggle for democratization in the Republic of Korea during the 1960s-1980s.

This article analyzes memorial sites created within the framework of traumatic narratives. These sites reflect state policies, official memory, personal histories, and the histories of small communities—specifically, the stories of "comfort women" and the victims of the democratization struggle, which entered the realm of public history by the end of the 20th century.

Keywords: site of memory; memorial location; monument; urban space; Seoul; park

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Aliullova, Dinara R. | E-mail: d.aliullova@ivran.ru
Postgraduate

Фиксация исторической памяти в городском пространстве Сеула

Д. Р. Алиуллова¹

¹Институт Востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-3-396-403

УДК 94(519.5):711.432+327

Научная статья

Полный текст на русском языке

Потеря Кореей независимости в 1910 г., вхождение в состав Японской империи, разделение по 38-й параллели, осознание специфики освобождения и последовавший процесс деколонизации и активизации борьбы за демократизацию Республики Корея в 1960–1980-х гг. положили начало формированию памяти-травмы.

В рамках статьи анализируются мемориальные объекты, созданные в границах травматических нарративов, ставшие отражением государственной политики, нормативной памяти, персональной истории и истории малых сообществ, в частности истории «женщин для утешения» и жертв борьбы за демократизацию, входящих в зону публичной истории на исходе XX в.

Ключевые слова: место памяти; мемориальная локация; памятник; городское пространство; Сеул; парк

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиуллова, Динара
Ринадовна

E-mail: d.aliullova@ivran.ru

Аспирант Института Востоковедения РАН (Москва), младший научный сотрудник Отдела антропологии Востока

Формирование коллективной идентичности [1, с. 143] через создание и передачу кодов, заключенных в эмоционально-культурных стереотипах, укоренившихся в национальном менталитете при столкновении с пережитыми травмами [2, с. 17], способствует консолидации нации. В Республике Корея (далее – РК) преодоление кризиса идентичности связано с осмыслением в границах трех поколений не только травматического опыта, но и специфики освобождения¹ [1, с. 52], что нашло отражение в исторической политике и публичной истории [3, с. 355–356].

¹ Во время японской колонизации Кореи сформировалось несколько центров борьбы за независимость, но их деятельность не была значительной. Освобождение страны стало возможным из-за капитуляции Японии во Второй мировой войне после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, а также вступления СССР в войну с Японией. Тем не менее южнокорейская историография акцентирует внимание на деятельности движения за независимость.

Особую роль играет идеологический базис², на основе которого проводилось восстановление и становление государства в 1945–1953 гг.³ Знакомство с философскими и политическими концепциями Запада и влияние США привели к формированию в РК номинально демократического строя с антикоммунистической и националистической направленностью.

Травмы, нанесенные потерей независимости, разделением народа и длительной борьбой за демократизацию государства⁴, определили специфику южнокорейской идентичности и сформировали основы историко-культурной памяти народа. РК с ее очевидной этноцентричной направленностью, нашедшей отражение в историографии, литературе и публицистике, может рассматриваться как пример, отражающий общемировую тенденцию сохранения и увековечивания национальной памяти во взаимосвязи и взаимозависимости с национальной идентичностью [4, с. 68].

Южнокорейское общество относится к числу моноэтнических, что обусловило срастание понятий «национальный» и «государственный».

Историческая и культурная память влияет на образы пространства. В РК, как и во всем мире, травматический опыт проявляется в создании и тиражировании обновленных нарративов, а вместе с ними – в возникновении «мест памяти» и трансформации пространства, прежде всего столицы государства – Сеула. Культурный код, взаимосвязанный преимущественно с идеологическими установками, заложенными правительством Ли Сын Мана (1948–1960 гг.), ввел в себя весьма противоречивые знаки и символы, отражающие приверженность властей к национализму, антикоммунизму, антияпонизму и демократии, зафиксированные в мемориальной культуре.

Травматические топосы стали основой формирования и эволюции южнокорейской национальной идентичности. К базовым травмам относятся, во-первых, утрата независимости (1910 г.) и, во-вторых, колониальное господство Японии (1910–1945 гг.), характеризующееся наступлением на корейскую культуру и со временем определившее суть претензий в отношении к соседнему государству. Попытками уничтожения корейской культуры и народного духа считаются программы по ограничению и за-

² Сочетание национализма, антияпонских и антикоммунистических настроений.

³ Консолидация южнокорейского общества происходила в сложных условиях раздробленности общества по социально-экономическим показателям, подкрепленной постоянными подозрениями со стороны других членов общества в пособничестве бывшим колонизаторам-японцам или обвинениями в связях с коммунистами, при постоянной внешней угрозе со стороны КНДР. Корейская война стала одним из факторов, объединившим жителей Республики Корея.

⁴ При провозглашении Республики Корея государство было объявлено демократическим. Однако режимы президентов Ли Сын Мана (1948–1960 гг.), Пак Чон Хи (1963–1979 гг.) и Чон Ду Хвана (1980–1988 гг.) принято называть «диктаторскими» в силу действовавших тогда ограничений демократических свобод и способов, которыми президенты приходили к власти и удерживали ее.

претупу применения корейского языка, «политика смены имен», мобилизация гражданского населения на Вторую мировую войну и др. В-третьих, специфика освобождения Кореи от японского режима. Во время колонизации были сформированы центры борьбы за независимость как на территории Корейского полуострова, так и за его пределами, но ни один из них не сыграл значимой роли [5, с. 49–50, 52]. В-четвертых, в ходе политической борьбы 1945–1948 гг. на южной части полуострова и разделения Корейского полуострова по 38-й параллели на оккупационные зоны между СССР и США к власти пришли националисты во главе с Ли Сын Маном (1948–1960 гг.). До конца XX в. практики, направленные на работу с травмой разделения Кореи, существовали только у отдельных малых сообществ (преимущественно беженцы с Севера полуострова). И, наконец, в-пятых, борьба за демократизацию сформировала особый нарратив: в нем отсутствует намек на единое травматическое событие. Травма фрагментирована и состоит из множества разных по масштабу и посылу событий. Политические изменения в РК в ходе Апрельской революции 1960 г., Переворота 1961 г. (Майская революция 1961 г.) и Июньской демократической борьбы 1987 г. и др. повлияли на работу с травмами и их трактовку.

В период президентства Ли Сын Мана главенствовала этноцентричная идея (ильминизм), основанная на принципах антикоммунизма, антияпонизма и национализма. После Переворота 1961 г. они были переформулированы в идеологию «чучхесон» и до 1987 г. сохранялись в политической системе. Основы этноцентрической идеи отошли на второй план в процессе либерализации, начавшейся в 1987 г. Позднее в РК появились новые участники общественной и политической жизни: некоммерческие организации, влияющие на формирование публичной истории, взаимодействующие с группами, пострадавшими от травматических событий. Личные истории людей, например «женщин для утешения»⁵, были включены в официальные нарративы, оставаясь обсуждаемыми в поле публичной политики. Кроме НКО, в выстраивание публичной политики включились новые политические силы, такие как «новые» правые, вступившие в процесс перестройки культурной памяти южнокорейского общества, что повлияло на ход передачи травматического опыта и публичную репрезентацию болезненных событий.

Частью конструкта коллективной памяти является политический миф [6, с. 80], создаваемый для ликвидации дискурсивного вакуума [3, с. 360], возникшего на фоне травм. Отложенная работа с травматическим прошлым приводит к возникновению ностальгии по прошлому объясняет

⁵ «Женщины для утешения» (вианбу) – девушки, принужденные работать в военных борделях японской императорской армии. В южнокорейской историографической традиции «женщины для утешения» объединены с работницами «женских добровольческих отрядов». В Южной Корее переломный момент в обсуждении проблемы «женщин для утешения» пришелся на период 1989–1991 гг., после заявлений профессора Юн Чонук и бывшей «женщины для утешения» Ким Хак Сун.

попытки ремифологизации прошлого. Политический миф РК закрывает потребность в утверждении значимости корейской государственности. Он выражается в претензии на длительность истории [7, с. 51] и масштабном «мифе о корейской исключительности» [5, с. 331]. «Длительность истории» обеспечивает поддержание знакомого культурного и исторического шаблона, утраченного из-за травмы колонизации.

Южнокорейские политические мифы делятся на «старые» и «новые». К числу «старых» можно отнести теоретические построения историков-националистов, воспринятые местными жителями, о своем государстве и народе, основанные на мифе о Тангуне и представлении о независимости и преемственности корейских государственных образований, начиная с союзов племен Самхан и заканчивая Республикой Корея. К «новым» относятся дискуссии, инициированные «новыми» правыми, подвергающие сомнению устоявшиеся в южнокорейской историографии точки зрения на японский колониализм (дискуссия «колониальная эксплуатация vs колониальная модернизация») и на период президентства Ли Сын Мана.

Образы, как мифы, являются частью коллективной памяти. Ее построение опирается на клише, многократное повторение сюжета [8, с. 28] и создание чувства уникальности травмы [9, с. 107].

Мученические, жертвенные и героические повествования вокруг образов исторических личностей создаются постфактум. В создании подобных повествований задействованы процессы инфантилизации и объективации [10, с. 130].

Группы образов прошлого, используемые при конструировании коллективной идентичности, выделены в соответствии с травматическими сюжетами исторической памяти Кореи. Выделяются образы, связанные с лишением независимости и борьбой за обретение суверенитета, разделением нации и либерализацией политической системы. Как следствие, мемориалы и памятники возводятся согласно образам и являются попыткой легитимации созданного нарратива.

Построение национальной идентичности на основе этноцентризма началось при Ли Сын Мане в ходе создания унифицированного исторического повествования и – параллельно – культа личности. Так, были установлены памятники Ли Сын Ману в культовых пространствах Сеула: парке Тхапголь и на горе Намсан. В период правления Пак Чон Хи (1963–1979 гг.) было пересмотрено в сторону смягчения культа личности и направлено внимание на охрану национальной культуры. Распространилась практика установки памятников «патриотическим предкам» в публичных пространствах и создание новых «мест памяти» в рекреационных зонах. Политика Пака привела к усилению проявлений палимпсеста⁶ в историческом центре Се-

⁶ Палимпсест – наслоение, возникающее в результате переписывания. Пространственный палимпсест возникает при большой значимости пространства в историческом контексте в случаях постоянной реактуализации событий, связанных с избранным местом, в памяти.

ула и созданию мемориальных комплексов, не связанных с историческим контекстом места (в новых районах на южном берегу реки Хан).

XX в. в Южной Корее характеризовался заимствованием западного шаблона в создании общественных памятников: «формулы выражения страсти»⁷ [11, с. 24] были обращены к эмоциональной памяти. Использовались формы, нетипичные для корейской культуры: портретные памятники, стелы, триумфальные арки и т. д. Примерами служат Ворота Независимости в районе Содэмуна, представляющие собой триумфальную арку, и памятники «национальным предкам» (адмиралу Ли Сунсину, активисту рабочего движения Чон Тхэилу, участнику движения за независимость Кан Угю).

Фиксация памятных сюжетов в городском пространстве совпала с расцветом создания монументальной скульптуры в городском пространстве в середине XX в. [12] и подчинилась требованиям череды «диктаторских» правительств, демонстрируя три особенности. Во-первых, универсальные тенденции в устройстве мемориалов пришли в Южную Корею с задержкой, после демократизации. Во-вторых, обращение к национальной культуре при создании мемориалов и отрезанность от мировых тенденций на некоторое время выдвинула вперед аутентичные способы коммеморации с опорой на опыт монументальной скульптуры. В-третьих, государство долгое время было единственным субъектом, имевшим право определять место расположения и тип будущего мемориала. На рубеже XX–XXI вв. практика создания мемориалов приблизилась к мировой: мемориальное пространство регулировалось государством, провинцией или городом. Объекты на выделенной территории реконструировались (путем объединения пространств и/или их частей или через перемещение наиболее значимых элементов памятного места в новое пространство, дополнялись новыми объектами [13, р. 1560]) или консервировались; место приобретало новый статус.

В настоящее время можно выделить следующие типы мемориальных пространств Сеула:

- 1) индивидуальные и групповые мемориальные пространства (Гражданский лес Мэхон и парк Самиль, посвященный участникам движения Первого марта);
- 2) многослойные мемориальные пространства-палимпсесты (гора Намсан);
- 3) мемориальные пространства, сконструированные по сюжетному (травматическому) принципу – Парк Независимости Содэмуна;

Включает в себя уничтожение следов предыдущего периода истории или приспособление под новые условия.

⁷ Специфически трактуемые детали художественного произведения, отсылающие к эмоциональной памяти. Со временем «формулы выражения страсти» закрепились как шаблонные позы, жесты и образы в пластических искусствах (как изобразительных, так и не изобразительных).

4) памятники, установленные в соответствии с историческим контекстом. В их числе памятник Чон Тхэилу, памятник Кан Угю у Сеульского вокзала и др.

Практики памятования сместились с реализации государственных проектов к изучению травм, созданию мемориальных законов и камерных практик коммеморации. Их инициаторами стали общественные организации, что свидетельствует о переходе к горизонтальному взгляду на историю в рамках публичной политики.

В городском пространстве Сеула немало «мест памяти». На его территории происходили драматические события, связанные с утратой и обретением независимости государства, расколом нации и борьбой за демократизацию политической системы. Коммеморативные практики связаны с историей и формированием национальной идентичности, которая, в свою очередь, опирается на политические мифы. Травматические сюжеты в наибольшей мере формируют современную южнокорейскую идентичность, обеспечивая легитимность государства и консолидацию граждан.

Смена политических курсов выражалась в уничтожении символов японского господства, развенчании культа Ли Сын Мана; в результате многочисленных наслоений в использовании городского пространства возникли палимпсесты.

Пак Чжон Хи инициировал «бум памятников», превратив город в коммуникативное пространство. Один из принципов чучхесона – опора на собственные силы и самобытность – выражался через обращение к классической корейской культуре: началось восстановление королевских дворцов Сеула, ворот Кванхвамун, установка монументов «национальным предкам».

К концу XX в. наметились изменения в методах использования городского пространства. Поворотными стали Азиатские игры (1986 г.) и Олимпиада (1988 г.). Столица использовалась как своего рода витрина, рекламный плакат, направленный на внешнюю аудиторию.

В XXI в. Сеул тяготеет к роли глобального города и созданию собственного – позитивного – бренда. Традиции памятования в городском пространстве обновились, эксплуатация травматических образов отошла на второй план. Преодоление последствий психотравмирующих событий продолжается, однако идет спонтанно, без проработки и дискуссий, что приводит к «сопротивлению» (ретравматизации) и частичной ремифологизации, ставшей объектом публичной политики.

Ссылки

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

2. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6-40. EDN PELCHZ
3. Калинин И. Историческая политика // Всё о прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. С. 355-376.
4. Миллер А. И. Устои «глобальной» мемориальной культуры под вопросом // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 3. С. 68-81. DOI 10.31278/1810-6439-2024-22-3-68-81
5. Асмолов К. В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 704 с. EDN YTJWEX
6. Леонтьева О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 59-96. EDN: TJVQYP
7. Ким Н. Н., Соловьев А. В. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея // Международная аналитика. 2023. Т. 14 (2). С. 49-72. DOI 10.46272/2587-8476-2023-14-2-49-72
8. Трубина Е. Видимое и невидимое в повседневности городов // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. 312 с. (Библиотека Журнала исследований социальной политики).
9. Сонтаг С. Смотрим на чужие страдания / пер. с англ. В. Голышева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 128 с.
10. Лоу С. Пространственное воплощение культуры: этнография пространства и места / пер с англ. Н. Проценко. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 400 с.
11. Варбург А. Великое переселение образов: исследование по истории и психологии возрождения античности / вступ. ст. И. Доронченкова. М.; СПб.: Пальмира, 2024. 378 с.
12. Ким Ённа. Конгон конгангва кунджун (Общественное пространство и толпа) // История корейской культуры: искусство город встречаются с современностью. Квачхон: Национальный институт корейской истории, 2020. URL: https://contents.history.go.kr/mobile/km/view.do?levelId=km_021_0070_0020_0020 (дата обращения: 21.08.2025).
13. Yea S. Rewriting Rebellion and Mapping Memory in South Korea: The (Re) presentation of the 1980 Kwangju Uprising through Mangwol-dong Cemetery // Urban Studies. 2002. Vol. 39, No. 9. P. 1551-1572. DOI 10.1080/00420980220151655